

Лю Синлун: «Змеинный узор» (отрывок)

Славен тот, кто идет в ногу со временем,

Мудр тот, кто этого не делает.

Невероятно тяжело дались Цзэн Бэньчжи эти строки.

Цзэн Бэньчжи, которому только-только исполнилось семьдесят, так утомился, пока писал это письмо, что ему приходилось то и дело останавливаться – то вздохнуть, то передохнуть. С таким трудом исписав два листа, он вдруг отбросил кисть и порвал бумагу на мелкие кусочки, не оставив ни одного целого иероглифа. Судя по содержанию и тону письма, которое Цзэн Бэньчжи написал и тут же изорвал, оно было адресовано некому любимому ученику. В тот момент единственным, кто мог бы удостоиться звания любимого ученика, был его зять, Чжэн Сюн. Именно Чжэн Сюн недавно организовал торжество по случаю семидесятилетнего юбилея Цзэн Бэньчжи, ведь тот сразу сказал – гостей, включая родственников, должно быть столько, чтобы уместились за двумя столами. Иной считал бы эту задачу практически невыполнимой, а вот Чжэн Сюн справился очень достойно: праздник прошел в теплой, непринужденной обстановке, и в то же время не утратил строгости и утонченности, приличествующей юбилею авторитетного ученого. Даже почтенный губернатор, заявившийся без приглашения, назвал торжество достойным бронзового сосуда цзэнского князя И¹. Этот сосуд – первоклассный образец драгоценной бронзовой утвари – использовался, чтобы подогревать и подносить вино самому государю, и по своей ценности он занимает почетное место в ряду главных национальных сокровищ. Если уж банкет удостоили столь высокой похвалы, значит, юбилей Цзэн Бэньчжи действительно

¹ Князь И – правитель небольшого царства Цзэн, располагавшегося в V в. до н. э. в бассейне реки Янцзы. В усыпальнице цзэнского князя И, обнаруженной в 1970-х гг., было найдено множество важнейших артефактов, среди которых особую известность приобрел бронзовый сосуд для воды и вина.

получился необыкновенным. А ведь восемь лет назад таких блестящих ученика, считая Чжэн Сюна, у Цзэн Бэньчжи было двое. Восемь лет назад, когда безусловно вежливые полицейские на глазах у Цзэн Бэньчжи увели того, другого ученика, имя его тут же стерлось из памяти Цзэн Бэньчжи. После этого Цзэн Бэньчжи не раз брался за письмо, начинавшееся со слов «Славен тот, кто идет в ногу со временем, мудр тот, кто этого не делает», и каждое новое письмо едва ли отличалось от предыдущего хоть парой иероглифов. Но всякий раз, когда нужно было вернуться к началу письма и надписать имя ученика, к которому оно было обращено, Цзэн Бэньчжи вновь погружался в омут тяжелых сомнений. Он никак не мог понять, какому из учеников хочет адресовать письмо: своему зятю Чжэн Сюну, или же тому, имя которого он не желал вспоминать; в конце концов он снова разрывал в клочья каждое написанное слово и только и мог, что вздыхать на всю комнату. Было непохоже, что он вздыхает из-за этого письма, столько раз написанного и порванного; скорее, он вздыхал по какому-то человеку.

В один прекрасный день уже, можно сказать, ушедшей в прошлое эпохи 1990-х, в Париже, на Елисейских полях, одна искушенная ценительница моды любовалась розами и тоже тяжело вздыхала: если бы какой-нибудь господин написал ей письмо с объяснением в любви, она, ни секунды не сомневаясь, вышла бы за него замуж. Эту историю передавали из уст в уста, пока, наконец, она не дошла до романтических уголков на берегах озера Дунху¹; с тех пор минуло почти двадцать лет, мужчины всего мира давно уже предпочитают каждый день присылать букеты роз к порогам возлюбленных, и им лень сочинять любовные послания, да и ради любого другого письма они вряд ли пожелают взяться за перо. Для всех нас в нынешний век получить письмо, которое опустили в почтовый ящик, доставили на почту, передали почтальону, и только после этого – в руки адресата, письмо с

¹ Дунху – озеро в г. Ухань, провинция Хубэй.

черными, пахнущими тушью строчками, – редкость еще большая, чем сорвать куш, купив лотерейный билетик за два юаня¹.

Убеленный сединами Цзэн Бэньчжи принадлежал к той немногочисленной группе людей, для которых почтовая переписка до сих пор остается привычным способом связи с внешним миром. Он не любил звонить по телефону, не привык пользоваться электронной почтой, сообщения тоже только читал, сам ничего не отправлял. Те, кто хорошо его знал, говорили, что в этом и состоит мудрость настоящего мастера: когда поколение этих людей уйдет в прошлое, последнее в истории человечества бумажное письмо станет настоящей реликвией, и ценность его вырастет в сотни раз. Писать и получать письма на протяжении нескольких десятков лет было самой что ни на есть заурядной частью повседневной жизни Цзэн Бэньчжи, и вот в какой-то момент, безо всяких к тому предвестий, это вдруг стало чем-то совершенно удивительным.

Цзэн Бэньчжи только что получил письмо.

Именно это письмо превратило самое обычное событие в нечто крайне необычайное.

Обычные люди ведут переписку с помощью упрощенных иероглифов², но Цзэн Бэньчжи по роду своей деятельности отличался от большинства людей. Письма, которые приносил ему почтальон, порой были написаны на английском, французском, немецком, японском или еще каком-то другом языке, и те, кто писал ему, по большей части пользовались традиционными иероглифами, ну и Цзэн Бэньчжи, естественно, отвечал им тоже с помощью полных форм.

¹ Юань – денежная единица Китайской Народной Республики. По текущему курсу 1 юань приблизительно равен 10 рублям.

² В рамках проведенных в середине XX в. реформ написание значительного числа китайских иероглифов было упрощено в целях повышения уровня грамотности населения. В настоящее время традиционные, или полные формы иероглифов используются в Гонконге, Макао и на Тайване, а также на территории материкового Китая – например, в каллиграфии. Традиционными иероглифами также зачастую пишут китайские эмигранты.

Но в этот раз Цзэн Бэньчжи получил письмо, написанное на цзягувэнь¹.

Что еще более странно, человек, написавший письмо на цзягувэнь, умер летом 1989 года. Больше двадцати лет назад, когда безо всяких церемоний оборвалась его жизнь, с того момента, как душа отлетела от тела, и потом, во время одинокого бдения с лампой, и когда несли гроб и опускали его в могилу, и когда приходили на поминки и ставили памятник, – от начала и до конца Цзэн Бэньчжи был там.

Этот человек, давно ушедший в мир иной, написал письмо на цзягувэнь и не стал указывать на конверте адрес Института изучения царства Чу, в котором работал Цзэн Бэньчжи, а вместо этого написал: «За музеем провинции Хубэй пройти через главные ворота парка Дунху, мимо холма Сяомэйлин, мимо павильона Кэчжусюань, дойти до конца дороги на полуострове, который называют Мышиным хвостом, перед беседкой Сяньюэтин, в понедельник, днем, в четыре часа десять минут, передать лично в руки сидящему здесь в одиночестве господину Цзэн Бэньчжи».

В этом описании были точно указаны именно то время, именно то место, куда Цзэн Бэньчжи приходил отдохнуть душой, и никто, кроме его близких, об этом знать не должен был. Надпись на конверте, конечно, была сделана не на цзягувэнь – это были стандартные китайские иероглифы, напечатанные на принтере.

¹ Цзягувэнь – древнейшая форма китайской письменности, которая использовалась для записи результатов гаданий в XIV – XI вв. до н. э.